

Алексей Илькаев. «Смерть не за горами». Пермь, 2018 год

Человечество забыло, как звали богатых и знатных римлян (а такие сложные погребальные обряды были не для каждого), но мы знаем, какие они были — красивые, энергичные, страстные и неизменно с живым блеском в глазах. «Архивы культуры» — от Британского музея до Эрмитажа — хранят их, преодолевая время и смерть.

Смерть — уважаемая категория традиционной культуры. В мировых религиях смерть становилась всего лишь короткой остановкой в пути, ведущем к новым перерождениям, вечным страданиям, нирване или райским кушам. Всякого входящего в храм (а именно он являлся главным пространством не только божественного, но и эстетического в нашем понимании) встречали неизбежные напоминания о бренности бытия. Романский храм начинался с портала со сценами Страшного суда, а путь по традиционной православной церкви ими завершался на фресках западной части строения.

В эпоху Просвещения концепция искусства разворачивается к идее чистой красоты, наслаждения и бесконечного оптимизма. Творцы коммунистического мифа приучили нас к идее тотальности — идеологии ли, оптимизма ли. Картины и кинофильмы рассказывали об идеальном фантомном мире, где «на Красной площади всего круглой земля», и уж там, в Москве — городе всеобщего ликования, счастливые пырьевские свинарка Глаша и пастух Мусаиб встретятся и полюбят друг друга в страшном для страны 1941 году. Тоталитарная эпоха между искусством как волшебным мифом и реальностью, которая несла смерть, уверенно выбирает фантомную иллюзию.

В искусстве за пределами «железного занавеса» пиршество тотального потребления и пластикового рекламного оптимизма было полем критического высказывания для современных художников. Их перформансы, инсталляции и холсты рассказывали о трагическом, болезненном, фатальном. Великий и ужасный Энди Уорхол, создатель собственной империи со своей прессой и телевидением, — художник, творчество которого не измеряется лишь сияющими улыбками неоновой Мэрилин Монро. Катастрофы и трагические смерти составляют огромный пласт его художественного наследия, и эти произведения становятся фаворитами арт-рынка: шелкографию «Авария серебряной машины» Уорхола в 2013 году продали за \$105 млн. Масштабный цикл «Смерть и катастрофы» он начал создавать в 1962 году. «В какой-то момент я понял, что всё, что я делаю, имеет некое отношение к смерти», — однажды сказал художник.

Странное и ужасающее современное искусство с парящими среди фламандской эрмитажной живописи собаками в карнавальных колпачках Яна Фабра — это лишь слабый отсвет вакханалии смерти классического искусства, слабое напоминание о реалиях мира в бесконечном весёлом карнавале. Пермская история со смертью вовсе не становится знаком особой фатальности места. Образы смерти — вечная тема искусства: от первобытных наскальных росписей до новейших инсталляций Венецианской биеннале.

Отвечая на вопрос «Искусство или смерть?», всегда выбирай искусство, но помни: смерть не за горами. **к**